

В. А. Аракчеев
РГАДА, ИРИ РАН, Москва, Россия. arakk@rambler.ru

**«ПО СЕМЕЙКИНУ ВЕЛЕНЬЮ»:
ДРЕВНЕЙШЕЕ ДЕЛО О КОРРУПЦИИ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ
(1593–1594 гг.)**

Статья посвящена феномену коррупции в Русском государстве конца XVI в. Исследование выполнено на основе архивного дела, которое не было издано и не нашло отражения в опубликованных трудах историков. Цель статьи состоит в реконструкции коррупционной сети, созданной дьяком Новгородского судного приказа Семеном Емельяновым в 1586–1593 гг., изучении методов и форм получения незаконной прибыли, оценке ее объема и масштабов коррупции в Русском государстве. В исследовании показано, что в окружении дьяка-коррупционера действовали как официальные администраторы (подьячие, приказчики), так и его доверенные лица, не занимавшие официальных должностей. Дьяк Емельянов был задействован в коррупционных схемах снабжения русской армии; коррупционную составляющую, скорее всего, имела его попытка организовать обмен пленными без санкции Москвы. Интегрированные в коррупционные сети администраторы были наказаны конфискацией их движимого имущества и денежных накоплений и лишением должности; вовлеченные в некоторые авантюры «верные» были наказаны штрафами. Оценочные расчеты коррупционной прибыли не убеждают в справедливости распространенных представлений о тотальной коррумпированности российского административного аппарата. *Ключевые слова:* Русское государство, Великий Новгород, коррупция, административный аппарат, дьяк, Семен Емельянов, Новгородский судный приказ

Понимание коррупции как общественно-политического зла впервые сформировалось в России во второй половине XV в., когда в Псковской судной грамоте и Судебнике 1497 г. появились нормы права, запрещающие судьям брать посулы. Однако язва коррупции поражала не только суд, но и органы управления, тем более что административные и судебные функции в Русском государстве осуществляли одни и те же властные инстанции, что было естественно для судебно-административной монархии [Аракчеев, 2023, с. 45–46]. Факты или подозрения в коррупции подвигали тяглых и служилых людей на сопротивление, что проявлялось в восстаниях 1547 г., Смутного времени, 1648 г., когда истреблению подвергались приказные судьи, подозревавшиеся в коррупции.

Из указа, изданного не позднее 10 августа 1620 г., известны типичные коррупционные приемы, практиковавшиеся воеводами и приказными людьми: ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами, причинение «насилъств, и убытков, и продаж великих» монастырям, служилым, посадским и уездным людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов. В этом же указе содержались запреты и предписания воеводам и приказным людям: «чтоб в городех... наши всякие дела делали по нашему указу, и служилым бы, и посадским, и уездным, и приезжим никаким людем насилъств и продаж не делали, и посулов, и поминков ни от каких дел, и кормов с посадов и с уездов на себя не имали, и лошадей, и платья, и товаров, опрочь съясново, не покупали, и на дворех у себя денщиком, и детем боярским, и стрелцом, и казаком, и пушкарем, и затинщиком, и с посадов бы, и с слобод водовозом, и всяким деловым людем быть, и хлеба молоть, и толочь, и печь, и никакова изделья делать на себя во дворех, и в посадех, и в слободах не велели, и городскими и уездными людьми пашен не пахали и сена не косили; а будет в которых городех воеводы учнут делать не по нашему указу самовольством, а на ково в чом будут челобитчики, и то все велели взять на них вдвое, да им же от нас

быти в великой опале»¹. Цитированный указ не нашел отражения в Соборном уложении, где коррупция отождествлялась лишь с посулами в судах; такой состав преступления, если судья не принадлежал к числу думных людей, наказывался по Уложению торговой казнью². В соответствии с цитированным указом под понятие коррупции подпадало и взимание кормов с местного населения, выборные власти которого привычно фиксировали расходы на «кормление» должностных лиц в земских расходных книгах.

В историографии коррупционные практики администраторов Устюжского и Усольского уездов в 1610–1620-х гг. изучил Д. В. Лисейцев, показавший, с одной стороны, многообразие форм получения воеводами и дьяками «кормовых и посульных денег», а с другой – ухищрения местных земских миров по уклонению от налогов [Лисейцев, 2018]. Документальные сведения о попытках органов государственной власти «очиститься» от коррумпированных чиновников, проведя соответствующие расследования, дошли от 1630–1650-х гг. В декабре 1630 – августе 1631 г. псковскими воеводами князем Н. М. Мезецким и П. М. Юшковым велось следственное дело о злоупотреблениях прежних воевод князя Д. М. Пожарского-Лопаты и князя Д. Г. Гагарина, в ходе которого расследовались обвинения в закрепощении и похолоплении воеводами выходцев из-за литовского рубежа, некоем «государевом деле», присвоении казенных денег, обложении посадских и уездных людей дополнительными налогами и поборами. В ходе повального обыска в январе-мае 1631 г. посадские люди восьми городских сотен подробно перечислили основные формы злоупотреблений воевод, среди которых первостепенными были взятки за проезжие грамоты купцам, торговавшим в Прибалтике, неоплачиваемые работы городских мастеров, неоплачиваемые изъятия товаров из лавок, подвод у извозчиков и ямщиков и т. д. Однако следователи не нашли подтверждения фактов самоуправного закрепощения выходцев из-за литовского рубежа, «государева дела» и присвоения казенных денег³. Видимо, поэтому князья Пожарский и Гагарин были освобождены от какого-либо наказания.

В 1635–1640 гг. в ведомствах Приказа Казанского дворца и Сибирского приказа рассматривалось дело по обвинению в коррупции свияжского воеводы. Воевода князь Е. Ф. Мышецкий и дьяк Ф. С. Ларионов управляли Свияжским уездом в 1635–1636 гг., после чего дьяк выдвинул против бывшего воеводы и его сыновей обвинения в коррупции. В ноябре-декабре 1638 г. сыщики Сибирского приказа провели в Свияжске обыск, материалы которого сохранились с достаточной степенью полноты⁴. Из подтвердившихся во время обыска обвинений наиболее серьезными были обвинения в незаконном винокурении воеводы, использовании им казенной мельницы. Частично подтвердились обвинения в присвоении меха белки-казанки, который принадлежал к числу «заповедных» товаров и закупался в Казну, приеме у таможенного и кабацкого голов в качестве взятки рыбы белуги, освобождении за взятки от астраханской службы дворян и детей боярских, а также стрельцов, освобождении из тюрьмы лиц, обвинявшихся в разбое. Воевода принуждал к работам в собственных интересах мастеров-оружейников, попустительствовал уклонению от налогов «сильных» и «прожиточных» посадских людей, ясачным людям в уклонении от выплаты ясака. Но, так же как и в случае обвинения псковского воеводы князя Пожарского, правительственный обыск не имел последствий и не повлек за собой обвинения в коррупции⁵.

¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. № 98. С. 102.

² Соборное уложение 1649 года. Текст. Комментарии. Л., 1987. С. 31.

³ Следственное дело о князе Д. М. Пожарском во время бытности его воеводою в Пскове // ЧОИДР. 1870. Кн. 1. С. 33–72.

⁴ Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа. Чебоксары, 2020. Т. 2. С. 23–188.

⁵ Там же. С. 11–21.

В начале 1650-х гг. гороховецкий воевода князь А. Кропоткин и дьяк И. Семенов «поимали посуды многие с посадских людей» Гороховца, что было интерпретировано как «воровство», за которое в 1654 г. они были биты кнутом. Однако из жалованной грамоты посадским людям Гороховца неизвестны детали этого «воровства», инкриминированные воеводе и дьяку⁶.

Более ранние дела о коррупции в научный оборот не вводились, что объясняется крайне низкой сохранностью материалов по «государеву делу» конца XVI – начала XVII в., что отразилось в описи архива Посольского приказа 1626 г.: «Свяска сыскных доводных дел старых при царе Федоре Ивановиче всеа Руси, и при царе Борисе: все розбиты, погнили, и распались, иных и перебрать не lze»⁷. Тем выше оказывается значимость хранящегося в фондах РГАДА уникального дела о расследовании фактов коррупции в Великом Новгороде в 1593/1594 г. Заголовков дела («О отписании на государя поместья Андрея Арцыбашева за насильное ево владение») лишь отчасти отражает его содержание⁸. В действительности, исследуемое архивное дело посвящено расследованию, инициированному против дьяка Новгородского судного приказа Семена Емельянова. Это одно из наиболее ранних сохранившихся дел фонда Приказных дел старых лет привлекало внимание исследователей, но не нашло отражения в научных работах. Причина прозаична: дело представляет собой отпуски грамот из Новгородской четверти, бывшей в то время повыйтем Посольского приказа, находившимся под управлением А. Щелкалова. Значительная часть отпусков содержит следы правки, а сами листы дела перепутаны настолько, что восприятие и понимание сущности дела крайне затруднено. Полная расшифровка и издание дела представляются интересной, но практически нереальной на данный момент задачей.

Сведения о дьяке С. Емельянове суммировал С. Б. Веселовский, выяснивший, что с 1585/1586 до 19 октября 1586 г. фигурант дела был дьяком Приказа Большого дворца; с 19 июля 1586 по 1593 г. служил дьяком в Великом Новгороде, где имел поместье⁹ [Веселовский, с. 173]. Его пометы и «припись» имелись на административных и судебных делах, рассмотренных в Новгородском судном приказе с 13 апреля 1586 по 1592 г., и его административная деятельность охватывала в том числе выдачу таможенных откупных грамот¹⁰. В обязанности дьяка входил контроль за сбором налогов; в частности, именно за его приписью выдавались указы губным старостам о составлении в 1588 г. платежных книг в новгородских пятинах¹¹. Однако, судя по подписанной им ввозной грамоте Д. С. Мельницкому от 18 июня 1593 г., Емельянов занимал должность дьяка как минимум до этой даты¹².

Несмотря на то что само архивное дело не было предметом исследования, о «деле» и «опале» С. Емельянова было известно в науке из упоминаний и из опубликованной Н. П. Лихачевым челобитной дьяка Смирнова Васильева от 23 марта 1594 г.; этот администратор был отправлен в Новгород «для сыску в Семейкине деле Емельянова» [Садиков, с. 396, 408; Лихачев, с. 40–41]. Однако «опала» дьяка продлилась не более двух лет, поскольку уже в январе

⁶ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет – (коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Приказа сбора ратных людей, Приказа Великого княжества Литовского, приказа Тайных дел, Полоняничного, Малороссийского, Смоленского и Счетного приказов). Оп. 3. 1654 г. Д. 59. Л. 1.

⁷ Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 263.

⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 1–58.

⁹ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. М., 1909. Т. 2. С. 480, 510; РИБ. СПб., 1908. Т. 22. Стб. 288.

¹⁰ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 331. С. 398; [Селин, с. 78–81, 135–140, 210–227].

¹¹ РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Малороссийского приказа и Приказа сбора ратных людей). Оп. 1. Новгород. Кн. 11. Л. 48–78.

¹² Баранов К. В. Новые документы новгородской и псковской служилых корпораций // Русский дипломатарий. М., 1999. Вып. 5. С. 134–136.

1596 г. С. Емельянов служил вторым дьяком в Четвертном приказе, подписав самый поздний из известных документов – отпись в получении денег с вотчин Троицкого Ипатьева монастыря¹³.

В августе 1597 г. С. Емельянов был отправлен вместе с князем В. Тюфякиным послом в Персию, получив в качестве «жалованья на подмогу» 200 рублей, однако скончался от эпидемии 26 сентября вместе с 37 участниками посольства¹⁴. Исход дела Емельянова показывает достоверность мемуарного сообщения Ж. Маржерета о противодействии коррупции в России конца XVI в., в соответствии с которым «никто из судей и должностных лиц не смеет принимать никаких подарков от тех, чьи дела они решают», под угрозой конфискации имущества и выплаты штрафа от 500 до 2000 рублей¹⁵. Если предположить, что конфискация и выплата штрафа аннулировала вину коррумпированного чиновника, становится понятным продолжение службы С. Емельянова, в том числе на престижном посту посланника в Персию.

Задачей настоящей статьи являются ввод дела в научный оборот и постановка проблемы борьбы с коррупцией в Московской Руси конца XVI в. Реконструкция исходной последовательности листов дела приводит к выводу о том, что оно состоит из двенадцати по большей части датированных документов. Ход расследования дела Емельянова был следующим. Вскоре после 18 июня 1593 г. дьяк С. Емельянов был отправлен в отставку с должности главы Новгородского судного приказа. В указной грамоте в Новгород, относящейся к зиме 1593/1594 г., говорилось: «Семейку мы давно от дьячества отставили»¹⁶. Емельянов, однако, остался в Новгороде после отставки, скорее всего, для того, чтобы «капитализировать» результаты своей многолетней службы: утаить и «порасхоронить» деньги и «животы», и находился там, по меньшей мере, до 22 ноября 1593 г. Лишь в указной грамоте новгородским воеводам от 22 ноября предписывалось Семейку Емельянова «прислать к Москве» с князем И. Вяземским, что, видимо, и было исполнено¹⁷.

Само дело Емельянова было инициировано главой Посольского приказа и Новгородской четверти думным дьяком А. Щелкаловым после получения в Новгороде и Москве двух «доводов» и двух «изветов» от новгородских приказных людей и «извета» от князя В. Бактеярова-Ростовского на злоупотребления П. Шереметева. Наиболее ранним «доводом» по делу стали челобитная и «роспись» новгородского ключника Якова Демидова (Евдокимова), принявшего дела у своего предшественника в должности ключника Якова Стахеева. «Довод» был осуществлен в Новгороде в адрес новгородских воевод, причем воеводы «не смели» расспрашивать Емельянова по сути обвинений ключника¹⁸. Современной аналогией «доводу» можно считать служебную записку, в которой фиксировались отступления от принятого порядка управления.

В отличие от «довода» «извет» был классическим доносом, в котором должны были содержаться обвинения в нарушении закона. В первой половине ноября (до 13 ноября) «извет» уже в Москве в Новгородской четверти подал новгородский подьячий Иван Полушкин; его информация была максимально подробной, и именно его «извет» лег в основу коррупционного дела. Однако расследование было затруднено исчезновением, скорее всего, гибелью «изветчика» И. Полушкина 13 ноября 1593 г. на пути из Москвы в Новгород. Московские дьяки подозревали его в том, что после своего доноса он поехал в Новгород «безвестно и без

¹³ Акты юридические. СПб., 1838. № 215 (II). С. 231; Антонов А. В. Костромские монастыри в документах XVI – начала XVII в. // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. № 58. С. 155.

¹⁴ Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. СПб., 1890. Т. 1. С. 334–338, 389–390, 426–433.

¹⁵ Маржерет Жак. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 134.

¹⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 16.

¹⁷ Там же. Л. 35.

¹⁸ Там же. Л. 33, 13, 16.

отпуску» «для того, чтоб Семейке весть подать, чтоб Семейка животы росхоронил». Так как Полушкина в результате не удалось привлечь к расследованию в Новгороде, все ограничилось его устными показаниями, зафиксированными в качестве «извета» в Москве. Показания Полушкина были дополнены «сказкой» еще одного новгородского подьячего Богдана Рыкайлова, благодаря которой были получены более подробные данные о коррупционных отношениях Емельянова. Наконец, четвертое дело было инициировано по «извету» («сказке») игумена новгородского Островского монастыря Сергия, первоначально поданному новгородским воеводам, которые расспрашивали С. Емельянова о несостоявшемся обмене пленными. После допроса в Новгороде «извет» был направлен в Москву, получен в Новгородской четверти до 14 ноября 1593 г. и вместе с указной грамотой 14 ноября переправлен в Новгород¹⁹.

Документы дела Емельянова отчетливо делятся на четыре кейса. Первый эпизод дела состоял в организации С. Емельяновым крупномасштабной коррупционной группы администраторов, состоявшей из доверенных людей дьяка – «веремеников» (временщиков). Приведем их перечень. Группа из трех человек «мимо государев указ» управляла дворцовыми селами: Неждан Луговской был отпущен «на приказ» в село Голино; Домашний Луговской использовался для денежных и хлебных сборов, осуществления дозоров и «иных больших дел»; Вешняк Нечаев был отпущен «на приказ в Заонежские погосты, и в Оштинской стан, и в Олонец». «Веремеников» Емельянов отправлял «на приказ» «для своих посулов и поминков», которые его доверенные люди были обязаны приносить патрону; при содействии этих людей «в дворцовых селех на государевых на десятинных землях на Семейку пашню пахали»²⁰. Показания следственного дела подтверждают данными обыскных книг 1593 г. Так, крестьяне Иванского Переездовского погоста в обыске сказали, «что теми пожнями в прошлых годах Семейка владел и доход... к Семейке приходил исполовая копна и третья копна»²¹. В дворцовых селех Ракома и Трясово неизвестный из следственного дела «Семейкин человек Емельянова Иван Матфиев» отдавал в аренду крестьянам пустоши²². В доводе нового ключника Якова Овдокимова указывалось, что С. Емельянов и его люди смогли оттеснить от службы прежнего ключника Я. Стахеева. У «большого дела» по заведыванию казенными хранилищами был поставлен «держальник» Томила Луговской, который с «заговорщиком» С. Тростинным и подключником В. Веревкиным «ведал всякие запасы мимо ключника». Непосредственно «запасы всякие» Емельянову выдавал некий Стахей Мотякин, но, будучи простым исполнителем, он в дальнейшем не был привлечен к ответственности, поскольку выполнял указания «по Семейкину веленью».

Помимо «веремеников» Емельянов опирался и на подьячих Новгородского судного приказа, один из которых, Суббота Микифоров, был поставлен приказчиком на Ладожский порог: «емлет на Семейку и себе посулы и поминки». В Михайловском погосте на Ладожском пороге, помимо владычной и монастырских вотчин, находилась оброчная черная волость, в которой по платежной книге 1588 г. числилось 34 обжи без полтрети обжи живущего; налоги в казну с волости выплачивались непосредственно в Новгороде²³. Именно выполнение обязанностей приказчика оброчной черной волости было возложено на С. Микифорова. Из обыскной книги 1593 г. известно, что «пожни на оброк» от имени Емельянова сдавали его люди и в Петровском погосте на Волхове²⁴.

¹⁹ Там же. Л. 23, 57, 47, 49, 15, 50.

²⁰ Там же. Л. 52.

²¹ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ, Вотчинная коллегия и Вотчинный департамент). Оп. 3. Д. 16949. Л. 97–99 об.

²² Там же. Л. 116–120.

²³ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. Кн. 11. Л. 160 об.–161.

²⁴ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16949. Л. 100–102 об.

Двое подьячих наживались на натуральных поставках. «Семейкин подьячей» Невер Игнатьев во время похода на Нарву в январе-феврале 1590 г. должен был взимать с Новгородского уезда сено на воинские «обиходы»; остатки сена пускались на продажу, а прибылью он «корыстовался». Подьячий Семак Васильев участвовал в закупках хлеба в оброчных волостях для заполнения казенных хранилищ, в то время как сам Емельянов в счет непоставленного хлеба взимал с крестьян деньги²⁵. Поместные дела трех пятин – Водской, Деревской и Шелонской – в Новгородском судебном приказе ведал Данило Соловетцкой, произведенный в подьячего с «местом» из писчиков; при сыске живущего в Бежецкой пятине он взимал посулы. В штат приказа были включены четверо посыльных подьячих (без жалованья), названные в деле также «боранниками», которые были «в посылках», собирая при этом «многие посулы и поминки»²⁶. Термин «боранник» неизвестен по другим источникам, но, следуя В. И. Далу, можно предположить его значение, синонимичное выражениям «баранья голова» (дурак) или «овечий пастух»²⁷.

Еще один канал получения незаконных доходов Емельяновым состоял в торговле новгородских купцов его товарами. Один из них – новгородец Федор Истомин, которому Емельянов передал для продажи собственные сукна. На купца был наложен штраф («пени») в сумме 200 рублей «за то: не дружися он с дьяком, и не емли у него животов; за такие безделья мы его ныне пощадили, а вперед бы он о своей о прямой силе жил, а к таким не приставал». Истомина следовало принудить «сказать правду, что у него Семейкиных денег»²⁸.

Второй эпизод дела был связан с деятельностью Емельянова косвенно: его главным действующим лицом был воевода Петр Шереметев, который во время похода против шведов за «посулы и поминки» освобождал от работ посошных людей²⁹. П. Шереметев был отправлен в Новгород для подготовки к походу в шведские владения «под немецкие люди» после сентября 1591 г., а сам поход «на выборские места» состоялся зимой 1591/1592 г.³⁰ Видимо, непосредственно после похода воеводы В. В. Голицын и В. И. Шуйский направили доклады («отписки») в Новгород и Москву с обвинениями в адрес П. Шереметева и подьячего С. Собакина, а князь В. Бахтеяров-Ростовский написал на Шереметева «извет». Одновременно в Новгороде челобитчики из митрополичьих и монастырских вотчин подали воеводам челобитные с жалобой на Шереметева «в тех посулах и в поминках», однако дьяк Емельянов, «норовя Петру Шереметеву», подверг челобитчиков наказанию кнутом и тюрьмой. К отпискам Голицына и Шуйского были приложены результаты «обысков за обыскных людей руками про посулы и про поминки, что Петр имал у посошных людей посулы и поминки в полках, да посошных отпускал».

Суть коррупционной сделки состояла в освобождении тяглых людей от работ по обеспечению похода и натуральных поставок для армии Шереметева. Материальное обеспечение армии в походе осуществлялось силами, прежде всего, посошных людей, которые привлекались для выполнения инженерно-технических работ и снабжения армии, в первую очередь продовольствием. Во время похода к посошным людям был отправлен сын боярский из Ржевы Володимеровой Черемисин Култашев, освободивший посошных людей от сопровождения армии («велел посошным людям весь запас скласти в стопы на снег») и взявший с них в качестве посула 150 рублей, из которых Шереметев взял себе 70 рублей, полковым воеводам князьям Ромодановским дал 30, а Ч. Култашев присвоил 50 рублей. Помимо «хлебных запасов», кото-

²⁵ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 21–22.

²⁶ Там же. Л. 24, 21, 33, 30.

²⁷ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1955. Т. 1. С. 48.

²⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 19.

²⁹ Там же. Л. 51.

³⁰ Разрядная книга 1475–1598 г. М., 1966. С. 460, 466.

рые везли посошные люди, поставки сена в количестве 12 тысяч копен и овса «сколько същет» должны были осуществить крестьяне Сумерской волости. Отправленный в Сумро Ч. Култашев вместо заявленного количества фуража «отписал» только 1 тысячу копен сена, получив с волощан в качестве посула 200 рублей, из которых Шереметев 130 рублей взял себе, а 70 рублей отдал Ромодановским. Следствием недобора фуража, в особенности овса, стал массовый падеж лошадей, о чем извещал князь В. Бахтеяров-Ростовский³¹.

Третий эпизод дела С. Емельянова описан на дополнительных листах дела, озаглавленных «О отписании на государя поместья Андрея Арцыбашева за насильное ево владение»; этот заголовок предваряет дело в целом, но лишь частично отражает содержание дополнительных листов. А. Арцыбашев начал карьеру в московских приказах, но с 25 мая 1588 по 28 марта 1591 г. служил в должности дьяка в Великом Новгороде, являясь предшественником и сослуживцем С. Емельянова [Веселовский, с. 33]. Должность дьяка предполагала его поместное обеспечение, и Арцыбашев в период своего дьячества владел крупным поместьем в Антоновском и Волотовском погостах Обонежской пятины, в составе которого, по данным обыска, находились 5 деревень с 18 крестьянскими и 7 бобыльскими дворами.

После отставки и отъезда Арцыбашева, скорее всего летом-осенью 1591 г., из Новгорода в его бывшее поместье явился «Семейкин человек Емельянова» и заявил старосте и крестьянам, «что то поместье досталось Семейке». Как следствие, с крестьян был взят денежный оброк в сумме 41 алтына, продовольственный оброк и 400 копен сена; все это представитель дьяка «отвез в Новгород к Семейке», а оброчный хлеб засыпал в помещичьи житницы. Тем не менее «укрепить» поместье в собственное владение Емельянову не удалось: согласно царскому указу от 11 мая 1592 г., описывать поместье на государя должен был подьячий Домашний Луговской, аттестованный в деле как «верременник» дьяка. Приведенные в деле данные из ужиных и умолотных книг и результаты обысков свидетельствуют, что основная масса собранного урожая была засыпана в казенные житницы. Но Д. Луговской не был бы «верременником» Семейки, если бы не воспользовался возможностью наложить руку на государственные доходы: осенью 1592 г., убедившись, что урожай в бывшем поместье Арцыбашева превысил обычный «против опыту», «примолотный хлеб 37 четей ржи, да 200 четей овса, да 40 четей жита по Семейкину приказу» был отвезен во двор Емельянова в Новгород³².

У дьяка Емельянова были два собственных поместья: в Новгородских землях три села Ташино, Будогоще и Бреховщина и село Волнище с деревнями в Клинском уезде. Видимо, именно о пожнях этих поместий в Коломецком погосте дозорщики со слов местных жителей записали, что неизвестно, «колки лет теми пожнями дьяк Семейка владел»³³. Оба поместья были конфискованы у Емельянова и возвращены в государственный фонд. С новгородских сел следовало, «примеряся к иным дворцовым селам», изымать «за все про все оброк денгами, по чему с выти доведетца, как бы нашей казне было прибыльно, а крестьяном не тяготно ж, и в поместье тех обоих сел и деревень никому не давати ж». На село Ташино с деревнями на 102-й (1593/1594) год «за посопной хлеб и за мелкие доходы» был возложен годовой оброк в 150 рублей «за все про все», «а сказал крестьяном, что им в поместье вперед ни за кем не быти»³⁴. В памяти Т. Шубину от 17 ноября и И. Есипову от декабря 1593 г. содержалось указание о переписи и «береженьи» клинского поместья Емельянова: «переписати ему Семейкины животы: лошади, и коровы, и овцы, и свиньи, и всякую животину, и хлеб всякой стоячей и молоченой, а переписав то все, приказати ведати и беречь того поместья старостам, и целовалником, и кре-

³¹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 40, 38, 53.

³² Там же. Л. 6, 3.

³³ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Д. 16949. Л. 113–115.

³⁴ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 14.

стьяном, лутчим людем до государева указу, а велети им лошади и животину кормити и людем деловым мясчину давати, а самому ехати к Москве и роспись переписную всему привезть с собою и отдати в Посолском приказе дьяку Ондрею Щелкалову»³⁵.

Четвертый эпизод дела Емельянова вызвал наибольшее беспокойство в Москве, ибо был связан с внешнеполитическими прерогативами ветвей власти Русского государства. Еще в середине XVI в. Новгородская земля на внешнеполитической арене позиционировалась как полунезависимое государство, через наместников которого осуществлялись дипломатические отношения с Шведским королевством. Последним по времени посольством к королю от наместника Великого Новгорода было посольство А. Ф. Тушина 1562 г., но уже с марта 1565 г. дипломатические отношения с Швецией осуществлялись ливонским наместником. После этого дипломатические контакты происходили непосредственно между государями, в частности, посол И. М. Воронцов в 1569 г. был отпущен королем Иоганном прямо к царю³⁶. Отныне любые контакты новгородских воевод с местными властями шведских владений должны были согласовываться с Посольским приказом. Глава приказа дьяк А. Щелкалов одновременно являлся «куратором» новгородских воевод, поскольку в состав Посольского приказа входил в качестве «повытъя» находившийся в это время в стадии формирования территориальный приказ Новгородская четверть [Павлов, с. 217–227; Лисейцев, 2009, с. 190–198; Аракчеев, 2014, с. 390–397].

Превышение полномочий во внешнеполитической сфере было сочтено главной «виной» С. Емельянова, суть которой излагается в четырех документах: в указной грамоте в Великий Новгород и «сказке» от 14 ноября 1593 г., в недатированном фрагменте указной грамоты в Новгород и в указной грамоте в Ивангород, направленной после 9 февраля 1594 г. Видимо, во время похода в январе 1592 г. П. Шереметева под Выборг в плен к воеводе попала дочь местного священника, которую в русском плену стали называть «Марьей». К этому времени в шведском плену находился Михаил Мякинин, сын новгородской помещицы Марфы Мякининой, которая доводилась кумой дьяку С. Емельянову. Скорее всего, именно Марфа попросила дьяка добыть шведского пленника в качестве претендента на обмен для того, чтобы не выплачивать за сына крупный выкуп.

В 1592/1593 г., «как был съезд государевым послом с свейскими послы», немка Марья была передана Шереметевым дьяку Емельянову, который, судя по всему, организовал предполагаемый обмен. Не позднее зимы 1592/1593 г. из-за рубежа в Новгород прибыла мать девушки, «попова жена» Анна, которая до Великого поста жила на дворе у «ругодивца Иванка Попова», переселившегося в Новгород, скорее всего, после захвата Нарвы шведами в 1581 г. В Великий пост 1593 г. из Новгорода в Ивангород отправилась на посольский «съезд» группа лиц: купец И. Попов, немка Анютка в сопровождении холопов М. Мякининой и, возможно, сам дьяк С. Емельянов. Действовавшее в это время перемирие между Россией и Швецией предполагало перемещение лиц и товаров, для чего из Новгорода была дана проезжая грамота, подготовленная, скорее всего, самим Емельяновым. Однако обмен не состоялся, возможно, по причине того, что власти шведской Нарвы не прибыли на «съезд»³⁷.

Сыск по этому делу проводился и в Ивангороде, воеводе которого В. И. Ростовскому предписывалось «обыскать, каким обычаем к вам из Новагорода ругодевцы мужики, и Марфины люди Мякининой Ошурок, да Третьячко с немкою приезжали, и к вам наша грамота была ли, и которово приказу, и за чьею приписью прислана», либо подтвердить, что грамота была

³⁵ Там же. Л. 42, 34.

³⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1910. Т. 129. С. 105–123, 123–124; [Хорошкевич, с. 407].

³⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1593 г. Д. 2. Л. 47, 46, 49, 11.

прислана от новгородских воевод. В приказной справке по результатам расследования предписывалось наказать И. Попова, который «в Ивангород ездил без нашего указа по Семейкину велению» штрафом в 100 рублей, а М. Мякинину освободить от наказания, поскольку ее вина была признана «рядовой». Ответственность за это в полном смысле слова «государево дело» была возложена именно на С. Емельянова, покушавшегося на внешнеполитические прерогативы государя: «вина бóлшая в том Семейкина»³⁸.

Рассмотренные эпизоды коррупционной деятельности новгородских чиновников включают результаты расследования, за которым последовало наказание. Из материалов дела Емельянова известно лишь об имущественном и денежном наказании коррумпированных лиц, что, впрочем, полностью соответствует данным Ж. Маржерета. Коррупционные доходы Емельянов, согласно предположению следователей, скорее всего, хранил непосредственно в Новгороде на подворье Александро-Свирского монастыря. В памяти новгородскому дворецкому Г. В. Годунову от 9 декабря 1593 г. предписывалось расследовать места хранения денег дьяка, а согласно наказу новгородским воеводам, местные власти должны были искать «Семейкиных животов Емельянова на монастырском дворе» Александро-Свирского монастыря. В сундуках были обнаружены три коробья за монастырскими печатями, в каждой из которых находилось по тысяче рублей. Подозрение сыщиков вызвало то, что «ярлыков у тех коробей нет, по колку рублев в коробье и чьи денги».

Монастырского старца-ключника следовало допросить: «их денги монастырские, какие ж они – наше ли данье, или с вотчин собраны, или вкладные по душам, да, розпрося, было старца послати вам в монастырь по книги, и того в книгах вам было самим досмотрити, и там, в монастыре, старцов роспросити допряма, их ли те монастырские денги?». Найденные в монастырской казне деньги сыщики полагали принадлежавшими Семейке: «старец Герман, ставаясь с Семейкою, те денги хотя утаить лукавством, да называет их монастырскими»³⁹. В случае, если бы деньги оказались монастырскими, 2 тысячи рублей из них следовало отправить в Москву в Новгородскую четверть, а 1 тысячу рублей оставить на монастырский обиход с сентенцией: «полно им и тысячи рублев на монастырской обиход». Из материалов дела неизвестно, сочли ли следователи доказанным, что найденные на монастырском подворье деньги принадлежали Емельянову. Известна лишь сумма конфискованных у Емельянова денег – 1109 рублей 22 алтына, которая была отправлена в Новгородскую четверть⁴⁰.

Некоторая часть доходов была использована Емельяновым для покупки драгоценностей, посуды, пушнины, ездовых лошадей: в указной грамоте от 22 ноября 1593 г. предписывалось сыскать: «что... у Семейки Емельянова денег, и золотых, и саженья его и ження, и судов серебряных... и платья, и мягкие рухляди – соболей, и куниц, и лисиц, и рысей, и лошадей». Все его богатства с высокой долей вероятности были конфискованы вместе с его городским двором и с возвращенными в казну поместьями, ибо в указной грамоте предписывалось все ранее перечисленные ценности «прислать к Москве» с князем И. Вяземским⁴¹. Таким образом, бóльшую часть доходов Емельянов накапливал в монете и драгоценностях, предпочитая тезаврацию торговым операциям.

Группа лиц, вовлеченных Емельяновым в коррупционную деятельность, также была подвергнута наказанию в соответствии с их виной. Во-первых, был наказан коммерческий партнер дьяка новгородский купец Ф. Истомин. Известна сумма, которую Емельянов вложил в торговые операции купца: дознавшись, «что у него Семейкиных денег», на Истомина наложили

³⁸ Там же. Л. 43, 10–11.

³⁹ Там же. Л. 29, 28.

⁴⁰ Там же. Л. 28, 2.

⁴¹ Там же. Л. 37, 35.

штраф в размере 200 рублей⁴². Во-вторых, суровому наказанию был подвергнут поставленный на приказ на Ладожский порог С. Микифоров: в соответствии с наказом из Москвы он должен был быть доставлен из Ладожского порога в Новгород, а его «живот» и деньги конфискованы в казну.

В-третьих, конфискации коснулись двух групп «верременников». Семья Луговских («держальник» Томило, его отец Неждан, его дядя Домашний) предстает первой группой «верременников», непосредственно получавших наибольшее количество коррупционных доходов, весомая часть которых шла С. Емельянову. Именно поэтому у Луговских и подьячего В. Нечаева следовало конфисковать «животы их и статки все», «что ни есть в Новгороде или в селех, или у кого поставлено»⁴³. Второй группой «верременников» были подьячие Сидор и Васюк Коптевы, незаконно завладевшие деньгами и «животами» опальных: в руки Сидора перешли 700 рублей и 24 кубка, принадлежавших опальному новгородскому владыке Леониду, а у дяди Сидора Васюка Коптева «залег живот» опального подьячего А. Бабкина. Сыщики объединяли Коптевых с Веревкиным в одно сообщество, что позволяет нам также назвать их «семьей» в криминальном смысле этого слова. Их «животы» также было велено «поймать» в казну и переписать⁴⁴.

В-четвертых, имущество и деньги остальных восьмерых посыльных подьячих и «боранников» конфискации не подлежали, и наказание этой категории приказных было гораздо более мягким, видимо, потому, что корыстовались они самостоятельно: лишь один из них, Ваня Матвеев, был «верником»; остальные не являлись «верниками» и «держальниками» Емельянова. «... На Ване Матвееве, на Одинце Иванове, на Немире Ручкине, на Ондрее Фомине, на Даниле Соловецком, на Смирке Тростине, на Семаке Васильеве, на Невере Игнатъеве велели доправити... пени рублей по сту, а на иных по пятидесят рублей, а на иных по тритцати, хто чево судил роспрося по прожитков». Штраф от 30 до 100 рублей был сочтен достаточным наказанием, сопровождался внушением и не предполагал отрешения от службы: «им скажите, чтоб они вперед не воровали и з дьяки не дружили, а от приказов... тех не отставляйте». Если бы в ходе сыска были выявлены другие виновные, «которых Семейка отпускал по приказом без нашего указу, а по сыску до вины дойдут, и вы б по тому ж над ними делали, да о том к нам отписали и прислали те все пенные денги к нам к Москве в приказ дьяка нашего Ондreja Щелкалова»⁴⁵. Описанные конфискации, по-видимому, представляли собой обычную практику наказаний коррупционеров, сохранившуюся и в послесмутное время. Аналогичные меры московской администрацией были предприняты в 1622/1623 г., когда с 11 должностных лиц Устюжского и Усольского уездов была взыскана треть «кормовых и посульных денег», полученных ими во время пребывания в должности. Д. В. Лисейцев подчеркивает, что правительство не предприняло мер к пресечению воеводского произвола, ограничившись штрафами в отношении местной администрации [Лисейцев, 2018, с. 103–104, 106].

Значимость изученного дела состоит, во-первых, в том, что его материалы позволяют поставить вопрос о коррупционных издержках системы управления в Московской Руси в конце XVI в. Такие расчеты осуществлены Д. В. Лисейцевым, показавшим на примере предложения взятки думному дьяку в 1621 г., что ее суммарный объем составлял около 2 % годового денежного сбора с управляемых уездов Поморья [Лисейцев, 2018, с. 91]. Сопоставим данные о сумме налоговых поступлений с Новгорода и вмененных Емельянову коррупционных доходах. Доходы Новгорода, по данным Д. Флетчера, в середине 1580-х гг. составляли 35 000 рублей

⁴² Там же. Л. 19.

⁴³ Там же. Л. 30, 27, 21.

⁴⁴ Там же. Л. 25–26.

⁴⁵ Там же. Л. 22, 20.

прямых налогов («тягла и податей») и 6000 рублей таможенных пошлин⁴⁶. Коррупционные доходы за шесть лет управления Емельянова в денежной форме, конфискованные в Казну, составили 1109 рублей 22 алтына. К этой сумме следует прибавить не исчисленную в материалах дела стоимость конфискованных материальных активов «Семейки», семьи Луговских, штраф, наложенный на купца Истомина, пени, наложенные на «боранников» и других причастных к хищениям этой группы. Предположив, что сумма доходов, исчисленных за шесть лет и изъятых в Казну, составила 2,5–3 тысячи рублей, несложно подсчитать, что годовой предполагаемый коррупционный доход организованной группы в 400–500 рублей составлял 1–1,2 % от фискальных поступлений с Новгорода.

Указанные расчеты отражают всего лишь представления дьяка Щелкалова и его аппарата о масштабах обогащения С. Емельянова и его «верников» и «держальников». Совершенно очевидно, однако, что даже если эти данные не вполне соответствовали реальному ущербу, нанесенному государству, расхожие представления о всеобщей коррумпированности государственного аппарата, основанные на мемуарах Г. Штадена, никак не соотносятся с выявленным на основании дела Емельянова масштабом коррупции. В сопоставлении с указом не позднее 1620 г. и делами Пожарского и Мышецкого дело Емельянова в основных своих чертах выглядит типичным: ему вменялось в вину ведение государственных дел не в соответствии с царскими указами (незаконный обмен пленными), причинение «насильств, и убытков, и продаж великих» тяглым людям, взимание с них «многих» посулов, поминков и кормов, вследствие чего был нанесен ущерб обороноспособности страны.

Во-вторых, в новгородском деле 1593–1594 гг. налицо абсолютное непротивление крестьян коррупционным практикам: крестьяне Сумерской и других волостей предпочитали «откупиться» от повинностей, заплатив взятку воеводам или дьяку, нежели выполнять обременительные обязанности, в особенности по исполнению посошной повинности. Прослеживается очевидная параллель с положением дел на черносошном Севере, население которого за взятки облагалось налогами в существенно меньшем объеме [Лисейцев, 2018, с. 107–110].

В-третьих, благодаря делу Емельянова складывается понимание детальной картины коррупционных практик в отдельном регионе Русского государства, причем это понимание глубинное и достигает тонкостей терминологии, обогащая наши знания о русском средневековом лексиконе. Лишь из исследованного дела становится ясно значение понятий «верник», «верременник» и «держальник». Эта терминология находит соответствие в терминах, бытовавших во Франции раннего Нового времени, которая из-за системы продажи должностей была государством с легализованной коррупцией. Термин «верник» – аналог французского *fidele* ('верный'). Р. Мунье следующим образом определял понятие «верности» и «верных» во Франции XVII в.: «Таким образом, полной самоотдаче, безграничной преданности со стороны *верного* должны соответствовать полное доверие, безграничное доверие и покровительство господина» [Mousnier, p. 103]. Понятиям же «верременник» и «держальник» в наибольшей степени соответствует термин «креатура», обозначавший ставленника некоего высокопоставленного покровителя. Фиксируя сходство отношений между «верными» и господами, с одной стороны, и креатурами и покровителями – в другой, Р. Мунье отмечает и существенные отличия: «Обычно ожидалось, что покровитель назначит своего *креатуру* на официальную или общественную должность и обеспечит его карьеру в сфере управления. *Креатура* должен был, при исполнении его функционала, служить интересам его покровителя, и если было необходимо, предпочитая их или действуя против интересов короля и государства» [Mousnier, p. 106]. Од-

⁴⁶ Флетчер Д. О государстве русском. СПб., 1906. С. 45.

ним словом, на уровне терминологии коррупционные практики в Русском государстве находят свои соответствия в европейских государствах раннего Нового времени.

Заслуживают внимания методы получения посулов, выявленные в ходе расследования новгородского дела: посулы брал не сам дьяк, а его «верники» и «держальники» или же посторонние для Новгорода люди, как, например, принадлежавший к другому «служилому городу» Ч. Култашев. Для организации коррупционных схем Емельянову пришлось привлечь 15–17 человек, по меньшей мере часть которых были объединены родственными и свойственными связями (семья Луговских, кума Мякинина). Таким образом, комплексное расследование дела оказалось возможным только после подачи ряда «изветов» и «доводов», из которых решающим оказался донос о несанкционированном свыше обмене пленными. Следовательно, дьяк Емельянов изначально имел основания опасаться и расследования, и судебного преследования за свою коррупционную деятельность, что свидетельствует не только о порицании последней в общественном мнении, но и об основательных усилиях государства не допустить разрастания коррупции. В этом контексте Русское государство конца XVI в. предстает типичной монархией раннего Нового времени, а его управленческая страта являет признаки нарождающейся бюрократии.

Литература

- Аракчеев В. А. Власть и «земля»: правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – XVII в. Екатеринбург, 2014. 507 с.
- Аракчеев В. А. Соборное уложение и социально-политическая эволюция России во второй половине XVII в. // Российская история. 2023. № 1. С. 26–46. DOI 10.31857/S2949124X23010029
- Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. 606 с.
- Лисейцев Д. В. Приказная система Московского государства в эпоху смуты. М.; Тула, 2009. 788 с.
- Лисейцев Д. В. «Привезли в посулах устюжане сто рублей денег»: земские миры и центральная власть в Московском государстве 1610–1620-х гг. // Российская история. 2018. № 4. С. 90–110. DOI 10.31857/S086956870000135-9
- Лихачев Н. П. Библиотека и архив московских государей в XVI столетии. СПб., 1894. 152 с.
- Павлов А. П. Эволюция четвертных приказов в конце XVI – начале XVII в. // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 217–227.
- Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М., 1950. 593 с.
- Селин А. А. «Дела судные, указы и записки вершенные и невершенные...» Новгородская практика судопроизводства XVI–XVII вв. СПб., 2021. 567 с.
- Хорошкевич А. Л. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. 620 с.
- Mousnier R. The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State. Chicago, 1979. Vol. 1. 783 p.

References

- Arakcheev, V. A. Vlast' i "zemlya": pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglykh soslovii v Rossii vtoroi poloviny XVI – XVII v. [Power and "Land": Government Policy towards Taxable Estates in Russia in the Second Half of the 16th – 17th Centuries]. Ekaterinburg, 2014. 507 p.
- Arakcheev, V. A. Sobornoe ulozhenie i sotsial'no-politicheskaya evolyutsiya Rossii vo vtoroi polovine XVII v. [Council Code and the Socio-Political Evolution of Russia in the Second Half of the 17th Century]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2023. No. 1. Pp. 26–46. DOI 10.31857/S2949124X23010029
- Khoroshkevich, A. L. Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii serediny XVI v. [Russia in the System of International Relations in the Middle of the 16th Century]. Moscow, 2003. 620 p.
- Likhachev, N. P. Biblioteka i arkhiv moskovskikh gosudarei v XVI stoletii [Library and Archive of Moscow Sovereigns in the 16th Century]. Saint Petersburg, 1894. 152 p.

Liseitsev, D. V. *Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epokhu smuty* [The Government System of the Muscovite State in the Era of Unrest]. Moscow; Tula, 2009. 788 p.

Liseitsev, D. V. "Privezli v posulekh ustyuzhane sto rublev deneg": zemskie miry i tsentral'naya vlast' v Moskovskom gosudarstve 1610–1620-kh gg. ["We Brought a Hundred Rubles in Money from the Ustyug People": Zemsky Worlds and Central Authority in the Moscow State in the 1610–1620s]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2018. No. 4. Pp. 90–110. DOI 10.31857/S086956870000135-9

Mousnier, R. *The Institutions of France under the Absolute Monarchy 1598–1789: Society and the State*. Chicago, 1979. Vol. 1. 783 p.

Pavlov, A. P. *Evolutsiya chetvertnykh prikazov v kontse XVI – nachale XVII v.* [The Evolution of Quarter Chanceries in the late 16th – the Early 17th Centuries]. In *Arkhiv russkoi istorii*. Moscow, 1993. Issue 3. Pp. 217–227.

Sadikov, P. A. *Ocherki po istorii oprichniny* [Essays on the History of the Oprichnina]. Moscow, 1950. 593 p.

Selin, A. A. "Dela sudnye, ukazy i zapiski vershennye i nevershenye..." *Novgorodskaya praktika sudoproizvodstva XVI–XVII vv.* ["Judgment Cases, Decrees and Notes, Completed and Not-Completed..." *Novgorod Legal Practice in the 16th – 17th Centuries*]. Saint Petersburg, 2021. 567 p.

Veselovskii, S. B. *D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv.* [Clerks of the 15th – 17th Centuries]. Moscow, 1975. 606 p.

Vladimir A. Arakcheev

Russian State Archive of Ancient Acts, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

"BY SEMEIKIN'S COMMAND":

THE OLDEST CASE OF CORRUPTION IN THE RUSSIAN STATE (1593–1594)

The article is devoted to the phenomenon of corruption in the Russian State at the end of the 16th century. The study was carried out on the basis of an archival file, which was not published and was not reflected in any published works of historians. The purpose of the article is to reconstruct the corruption network created by Semen Emelyanov, a clerk of the Novgorod Court Chancery, in 1586–1593, to study the methods and forms of obtaining illegal profit, to assess its volume and the scale of corruption in the Russian State. The study shows that both official administrators (clerks, managers) and his agents, who did not hold official positions, acted in the environment of the corrupt clerk. Dyak Yemelyanov was involved in corrupt schemes for supplying the Russian army; most likely, his attempt to organize an exchange of prisoners without the sanction of Moscow had a corruption component. The administrators integrated into corrupt networks were punished with confiscation of their movable property and money savings and deprivation of office; the "trustees" involved in some adventures were punished with fines. Estimated calculations of corrupt profits do not justify the widespread ideas about the total corruption of the Russian administrative apparatus.

Keywords: Russian State, Veliky Novgorod, corruption, administrative apparatus, dyak, Semen Emelyanov, Novgorod Court Chancery